

Децентрализованные ценностные системы и пределы политики идентичности

Аннотация. Статья посвящена определению лимитов политики идентичности, ориентированной на представления о культурно-исторической специфике гражданских сообществ. Показано, что легитимность данного направления укоренена в базовых методологических посылах современной политической теории о композиции общества и государства. Указаны дефициты данной методологии в современных условиях, связанных с функциональным и ценностным сближением государств в рамках международной системы, неучетом возможности появления децентрализованных ценностных систем и агрегации вокруг них эпистемологических сообществ. Предложены стратегии восполнения дефицита знаний относительно данных групп и их ценностных ориентаций.

Ключевые слова: государство, политика идентичности, эпистемологические сообщества, децентрализованные ценностные системы, индивид, меньшинство, социальное разнообразие.

Благодарности: подготовлено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 г. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения»).

Критически изучая исходы общественных трансформаций двадцатого века и их идеологическое оформление в на-

* *Наталья Владимировна Панкевич*, канд. полит. наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

следии общественной мысли, Ч. Тилли обозначил несколько «пагубных», с его точки зрения, принципов, закрепившихся в качестве доктринальных основ современной политической структуры и действия [6, р. 11–12]. Среди них на первом месте он располагает представление о том, что *«общество является определенным объектом (thing apart), мир в целом разделен на общества, каждое с более или менее автономной культурой, правительством, экономикой, связями солидарности»*.

Тезис о мозаичности и разделенности человечества на «общества» легитимирует возникновение специфических конструкций, которые в процессе исторического развития приобретают форму национальных государств, в качестве которых становятся доминирующим институтом, организующим политическое пространство. С позиций объективации общества вполне логично представить государству полномочия по поддержанию его уникальности, несводимости и отличности от других обществ. Сегодня данная компетенция реализуется в русле политики идентичности, в рамках которой идентичность рассматривается одновременно и в качестве дополитической предпосылки, и как продукт целенаправленной деятельности государства.

В современных условиях подобная конструкция выявляет пределы своей адекватности. Доминирование государства в качестве политической формы обеспечивается главным образом системой международных отношений, которая репрессирует возможности появления иных организационных схем политического структурирования. Существование государства в системе государств создает мощные принуждения к унификации ценностных оснований, исходя из которых происходит процесс управления обществом. Возникающие в этом процессе универсальные ценностные и соответствующие им институциональные комплексы не ограничиваются лишь координацией межгосударственных интересов и отношений в рамках содружеств «цивилизованных государств». Они предназначены для обеспечения действенности норм, которые усредняются таким образом, что «невозможно характеризовать их как местные или как глобальные» [5, р. 328]. Как формулирует это состояние О. Ландо, *«право... – не фоль-*

клар» [4, р. 251], подчеркивая значимость ценностей и смыслов универсального ряда в фундаменте государственных правовых систем.

В процессе функционального сближения государств базовые ценности странового ряда содержательно сближаются с универсально признаваемыми вплоть до неразличимости, если следовать лишь текстуальному сравнению ключевых документов внутреннего конституционного и международно-договорного порядков. Право на жизнь, признание и защита человеческого достоинства, гендерное равенство, защита собственности и т. д. в равной мере отражены как в конституционных основах государств, так и в крупных международных договоренностях о правах.

Соответствующим образом, если на фоне радикальной универсализации ценностного ряда глобальной политики серьезно отнестись к заявлениям государств об уникальных ценностных основаниях, лежащих в основании всего здания общественных отношений в той или иной юрисдикции и одухотворяющих производные институты, возникает проблема выявления действительного содержательного и практического наполнения смысловых рядов странового национально-государственного уровня и универсального плана и, соответственно, реального содержательного различия между ними. Представляется, что потребность в подобном анализе и поиске метрики для выявления содержательной специфики ценностных ориентаций назрела достаточно давно. Практика сегодняшнего дня показывает, что в целом ряде случаев именно конфликт, структурированный вокруг различия в интерпретации ключевых ценностей в национальной и универсальной трактовках, определяет внутривосточную повестку дня, превосходя в своей остроте традиционные конфликты, возникающие вокруг вопросов о материальном неравенстве и несправедливом распределении доступа к общественным благам.

Остроту конфликта задает то обстоятельство, что нередко сами страновые политические элиты не вполне адекватно оценивают ценностные установки и ориентации больших масс населения, опираясь на идеализированные или скорее даже на мифологизированные представления о культурно-исторической специфике гражданских сообществ. Корни данной проблемы, на

наш взгляд, стоит искать как раз в том факте, на который справедливо указывает Ч. Тилли: становление официальных дискурсов о политической идентичности странового уровня чаще всего осуществляется в смысловом поле естественной истории государственных систем, полностью объективируется и объясняется через различия, коренящиеся в окружающей природной и социальной среде. В этом смысле актуальное состояние гражданской идентичности в том или ином государстве в первую очередь представляется как результат стечения исторических обстоятельств, предрасположенностей и длительного накопления их результатов и лишь во вторую – воплощением реально функционирующих солидарностей, взаимодействий, обменов, происходящих в рамках гражданской ассоциации.

Расхождения в понимании содержательного наполнения ключевых ценностей связаны с накоплением в структуре современных обществ зримо отличающихся сегментов, ориентированных на качественно различные ценностные комплексы. Такие сегменты возникают не только в процессе накопления в структуре социума контингентов, демонстрирующих свою языковую, культурную, конфессиональную и т. д. инаковость, что обусловлено усилением миграционных процессов и «оседанием» статистически крупных социальных включений в составе общества. Фоновые процессы индивидуализации жизненного мира, которые проявляются во всем многообразии жизни индивида от профессиональной жизни до политической, ведут к размыванию большинства как эмпирической общности с измеримыми характеристиками принадлежности, предпочтений, возможности коммуницирования социальных установок и ценностей методами массовой идеологии. Данная автономизация проявляет себя на первом этапе как стремление к формированию децентрализованных ценностных систем, ориентированных на внешние по отношению к государству центры влияния, и ведет далее к формированию групп, сплоченных вокруг определенных ценностей (в широком смысле слова – эпистемологических сообществ), а вместе с ними и альтернативных структур распределения ресурсов, доступных отдельной группе, и рисков, связанных с принадлежностью к ней.

В свете этих процессов решение проблемы идентичности в ключе только лишь исторического единства закладывает новые противоречия. Слепым пятном в этой технике становится признание возможности и выявления ценностных размежеваний внутри сегодняшнего социума, возникает острый дефицит знания о специфике понимания обществом и его отдельными сегментами универсально признаваемых публичных гражданских ценностей, которые потенциально фундируют «конституционный патриотизм», «национальную конституционную идентичность» [2]. Сопутствующий дефицит инструментария для интеграции частных отклоняющихся дискурсов в единое смысловое поле национально-государственной общности ведут к вытеснению из политического процесса групп, ориентированных на альтернативные трактовки ключевых ценностей, в некоторых случаях их маркирование как экстремистских или агентских. Данная ситуация вполне способна провоцировать острый конфликт ценностей национально-государственного ряда с не менее значимыми и защищаемыми ценностями гражданского мира и согласия, доверия между обществом и государством, солидарности в ее актуальном экономическом, политическом, социальном проявлениях [1, ст. 75.1, 80, 114.1 п. «е»]. И в конечном счете вносить решающий вклад в возникновение неуверенности общества в «*способности государства проводить политику, базирующуюся на общности ценностей, убеждений и моделей поведения*» [3, с. 35].

При этом следует особо отметить, что если выявлению специфики национально-государственных идентичностей сегодня служит целый ряд методологически отработанных инструментов, то метрики состояния гражданской идентичности существенно беднее и сводятся в основном к замерам уровня доверия различными общественным институтам. Между тем современная общественная система необходимо содержит моральные институты, прямо и непосредственно предназначенные для разрешения подобных конфликтов. В наиболее эксплицитной форме дискуссии о гражданских ценностях и противоречиях разворачиваются в деятельности органов конституционной юстиции. Материал подобного рода не часто привлекает внимание к проблемам идентичности и

еще реже используется в качестве метрики для диагностики общественной ситуации вокруг ключевых гражданских ценностей. Деятельность судебных инстанций обычно рассматривается в логике корректирующей и потому не выходящей за пределы частных случаев, связанных с реабилитацией конкретных пострадавших, справедливости. Исключение характерно для юридической науки, поскольку предположение о влиянии политических процессов на принятие правовых решений и предположение о политизации судебной отрасли уже само по себе снижает легитимность судебных органов. Тем не менее именно такой анализ, на наш взгляд, оказывается исключительно полезным для прояснения актуальных ценностных ориентаций, формирующихся в обществе, и выявления потенциальных конфликтов задолго до их выхода в горячую стадию.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.03.2022).

2. Постановление Конституционного суда РФ № 1-П/2017 от 19.01.2017 по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания “ЮКОС” против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <http://docsrsf.ru/decision/KSRFDecision258613.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

3. Телин К., Филимонов К. Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 35–73.

4. Lando O. The Structure and the Legal Values of the Common Frame of Reference // *European Review of Contract Law*. – 2007. – Vol. 3, No. 3. – P. 245–256.

5. Koh H. Opening Remarks: Transnational Legal Processes Illuminated // *Transnational Legal Processes: Global and Power Disparities* / ed. by M. Likosky. – London : Butterworth, 2002. – P. 327–332.

6. Tilly C. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. – New York : Russell Sage Foundation, 1984. – 176 p.